

НАША СТРАНА

Год издания — 37-ой, Буэнос Айрес, суббота 1 декабря 1984 г.

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 1 de diciembre de 1984 No. 1792

МЫСЛИ В СЛУХ

ПЕРСОНАЛЬНОЕ СОВМЕЩЕНИЕ

Читая описание функций римского сената времен монархии, нельзя не обратить внимание на их сходство в принципе с функциями нашей боярской думы: "У сената не было инициативы; он только отвечал, когда его спрашивали. Цари обращались к нему по всем важным вопросам... Царь спрашивал совета у старейшин всегда, когда это ему казалось нужным и никто не мог высказать своего мнения если его не спросили раньше; тем паче сенат не мог собраться, если его не созвали, за исключением случая смерти царя, когда... нужно было... назначить между-царя..." (Моммзен, История Рима, Кн. 1, Гл. 5, 14).

Это учреждение было "образовано из людей, назначенных не только в силу их рождения, но скорее по свободному выбору их сограждан, утвержденных каждые пять лет решением нравственного трибунала... в нем состояли лишь пожизненные члены, свободные от всякого краткосрочного мандата и от изменчивого мнения толпы... в нем был собран весь политический ум и весь правительственный опыт нации..." (Там же, Книга 2, Глава 3, 33).

Ввиду того, что из среды этого сената брались кандидаты на выборные должности (и, наоборот, все выборные магистраты автоматически входили в сенат, если они еще в нем не состояли), на деле получалось некое как бы персональное совмещение в одних и тех же лицах носителей власти (potestas) и носителей авторитета (auctoritas). Получалось, что для обладания властью также необходимо обладать и авторитетом. Больше того, создавалось некое психологическое ощущение, что если носитель власти не обладает также и авторитетом, он как бы неполноценен. Одновременно, от совмещения в одном лице этих двух функций, сама власть казалась как бы более крепкой, более легитимной.

Именно от этого обстоятельства, повидимому, и развились два неправильных, хотя и противоположных, толкования самого понятия того, что сегодня принято называть "авторитарностью".

Одно из них всеми силами отвергает даже малейший намек на возможность установления публичной авторитарной власти, потому что считает, что такая власть будет чрезмерно крепкой, и во всяком случае не разрозненной и не разделенной на части. Тогда будет невозможно ею манипулировать, опираясь на фрагментированные части общества, будь то партии, профсоюзы, тресты или даже секты.

Другое, наоборот, превозносит авторитарную власть, не видя при этом коренной разницы между авторитетом и властью.

И. А.

«КРАСНОЕ КОЛЕСО»

ИНТЕРВЬЮ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА ДЛЯ ФРАНЦУЗСКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ.
СНЯТО БЕРНАРОМ ПИВО В ВЕРМОНТЕ 31 ОКТЯБРЯ 1983 ГОДА

По-французски только что вышла Ваша большая работа "Август Четырнадцатого". Помимо этого названия на обложке присутствуют слова "Красное Колесо" и "Узел первый". Вы можете объяснить нам, что это значит?

"Красное Колесо" — это повествование о революции в России. В отличие от обычных романов оно основано не на трех-пяти персонажах, не на нескольких малых местах действия, но охватывает сразу сотни персонажей, большей частью действительных, исторических, и охватывает многие десятки мест по России. Как бы движение России в революционном вихре. Это очень большой материал, а если учесть, что он растягивается на годы — ибо приходится начать повествование с 1914 года, а вести его, в общем, до 22-го, то невозможно было бы описать так много действий и так много лиц на таком большом протяжении времени. Поэтому я избрал метод узловых точек, или узлов. Я выбираю малые отрезки времени, по две недели, по три, где — или происходят самые яркие действия, или закладываются решительные причины событий. И я описываю подробно только вот эти маленькие отрывки. Это и есть узлы. А в промежутке между узлами я не описываю ничего, совсем. Так, по узловым точкам, я как бы всю форму движения, всю форму этой сложной кривой передаю. Вот это метод узлов, и "Август Четырнадцатого" — первый из таких узлов.

Сколько всего будет узлов, и сколько уже написано?

Сколько написано — это легко сказать. Написано у меня три узла: "Август Четырнадцатого", "Октябрь Шестнадцатого" и "Март Семнадцатого", сама революция. Сейчас я пишу четвертый узел. Сколько надо? Надо много их, узлов, но просто жизнь моя оборвется раньше, чем я кончу эту работу. Мне хотелось бы довести по крайней мере до седьмого узла, чтобы проследить, каким образом произошел Октябрь. Если это объяснить, то тогда будет все остальное уже ясно.

Красное Колесо — это метафора?

Вы знаете, я нашел, что это наиболее точно выражает закон всех революций, в том числе и вашей французской. Когда раскручивается это грандиозное, почти космическое колесо, оно захватывает в себя целый народ, и целые народы, и своих инициаторов захватывает, как ничтожные песчинки, так что те, кто начинали революцию, потом крутятся в этом вихре беспомощными и чаще всего погибают.

Верно ли, что эта огромная работа — замысел Вашей молодости и что Вы начали ее писать еще до войны?

Первый толчок к тому, чтобы написать крупное произведение, я получил 10 лет от роду: я прочел "Войну и мир" Толстого и сразу почувствовал какое-то особое тяготение к большому формату. И в тот же год я прочел изданные в Советском Союзе, по недосмотру советской цензуры, воспоминания члена Государственной Думы Шульгина, написанные отнюдь не в пользу большевиков. Очень эмоционально написанные. Я захвачен был этой книжкой. Однако, по раннему возрасту, эти два впечатления не соединились во мне, и тогда еще замысел не возник. Прошло с тех пор восемь лет. Я окончил советскую школу, мне было восемнадцать лет, я отчетливо помню тот день, в ноябре 36-го года, когда вдруг этот замысел меня схватил. Это было почти пятьдесят лет назад. Тогда я решил писать вот такую крупную эпопею о нашей революции. Но за это время советское воспитание уже повернуло мой мозг, и я думал, что главная моя задача — описать октябрьский переворот. Мне казалось, что здесь корень события, главный центр его. Потом я стал отступать, потому что нельзя начинать сразу с октябрьского переворота, надо немного раньше, надо показать ход Семнадцатого года, надо показать Четырнадцатый год, войну. А несколько лет назад я понял, что все еще недостаточно готов к описанию революции, что только из войны революцию понять невозможно, надо дать читателю ход революционных идей и событий, нарастание революционного террора и революционного движения в России за более длительный период. И тогда я стал отступать от 14-го года, сперва к 11-му году, к убийству Столыпина. Потом, оказалось, нужно отступить к 1905, к началу века.

Сохранились ли какие-нибудь следы Вашей довоенной работы над "Августом Четырнадцатого"?

Да, видите — просто чудесным стечением обстоятельств, несмотря на войну, на пожар в том доме, где я жил до войны, несмотря на мою тюрьму и лагеря, — мои самые первые наброски 36-го и 37-го года сохранились. Они у меня и здесь хранятся, эти тетрадки.

Они выглядят как тетради школьника.

Да, эти первые попытки написаны еще совершенно детским почерком, это вот начало мое, приезд Воротынцева к Самсонову. Надо сказать, что композиционно эти несколь-

ко глав, приезд Воротынцева в штаб армии, первые события с Самсоновым, — так и сохранились. Изменилась фактура, само написание, язык, но композиция осталась прежней.

Если я правильно понимаю, Вы работаете над "Красным Колесом" одновременно как историк и романист?

Да, это работа и историка, и романиста. Моя задача — передать истинную историю, и я нашел даже недостойным слишком плотно заселить повествование персонажами вымышленными. Главная часть персонажей у меня — реальные исторические фигуры, крупные исторические, или мелкие, но о которых у меня есть достоверные свидетельства. Часть документов, самые выразительные, в малой дозе я даю прямо как документы, а большую часть перерабатываю в художественную ткань повествования, и рельеф документа поднимаю зримо, плотно для читателя; и вместе с тем сильно уплотняю действие.

В начале "Августа Четырнадцатого" встречаются лица, которые не делают историю, во всяком случае не включены в первый план ее. Верно ли, что эти персонажи — члены Вашей семьи?

Да, там в самом начале я дал, действительно, членов моей семьи, отца своего, мать, тогда еще не знакомых, и кусочек жизни семьи матери. Они не играют существенной роли во всем дальнейшем, я это дал скорее как картинку прежней России перед войной — довольно экзотическая южная жизнь, которая в русской литературе не описана и которая уже не будет повторена никогда, потому что ход войны и ход революции все это размечет. Это не существенные детали картины, это как при панорамном снимке — перекрывают предыдущий кадр следующим. Чтобы представить жизнь прежде. Существенно потом участвует только мой отец.

Вы, Александр Исаевич, воевали против нацистов в 1941-45 годах. Вы начали простым солдатом, дошли до капитана, получили два ордена. И когда я читал Ваше описание войны 14-го года, я говорил себе: автор захарован его собственной войной, войной с ее бесчеловечной и одновременно человеческой сторонами...

У меня еще совпадо удивительно — я задумал эту эпопею до войны, избрал Восточную Пруссию, избрал Самсоновскую катастрофу, — и вдруг, волею судьбы, я в эту, свою войну пошел точно по этим местам: как шла Самсоновская армия, так и я прошел в 45-м году. Какая-то сила меня связала с этим событием, я как

бы снова его увидел, в тех же местах был, спустя тридцать с лишним лет. Но, конечно, это не все. Для того чтобы написать такую вещь, пришлось сильно вйти в стратегические планы. Я читал очень много описаний вместе с картами, работ генерального штаба... Я гораздо больше прочел, чем смог отобразить.

Вы прекрасно показываете, что для революционеров той эпохи война между Германией и Россией была неслыханным шансом. Для них важно было не "чья вина?", а — как лучше всего извлечь пользу из войны. Все виноваты, но важно только то, что поможет подорвать царский режим. Подлинный шанс этой войны заключался для них в том, чтобы послужить победе международного социализма, чтобы рабочее движение одним махом очистило и смело всю "мерзость", накопившуюся за мирные времена.

Да, это с самого начала поняла ленинская группа, те, кто потом составили Циммервальд, — что эту войну можно использовать для того, чтобы свалить государственный строй в России. Но для этого надо было всечески нивелировать, чтобы не была Германия одна виновата, надо сделать так, будто нет зачинщиков этой войны, все виноваты равно. Ленин с самого начала замыслил себя в союзники германскому императору, и, собственно, он был временным его союзником. И так у нас в Советском Союзе десятилетиями было в долбено в головы — что никто этой войны не начинал, а только мировая буржуазия, что Германия ничуть не больше виновата, чем Антанта.

Вторая часть "Августа Четырнадцатого" — посвящена почти вся убийству премьер-министра Столыпина революционером Богровым. Вы любуетесь Столыпиным, описываете его умным человеком, сильной личностью, настойчивым, твердым во взглядах. И даже говорите, что, в сущности, Столыпин был последним шансом царя. Так ли это исторически?

Да, вы знаете, я глубоко уверен, что это было именно так. Столыпин (кстати, вот видите у меня портрет Столыпина. Как раз за день до убийства) — выдающийся государственный деятель вообще, и по масштабам разных столетий России. А в двадцатом веке более крупного государственного деятеля у нас не было. В своей ретроспекции я ведь отступил до начала царствования Николая Второго, и мне пришлось невольно показать, что за первые 11 лет его царствования, к 1905 году, практически так уже было много потеряно, что Россия была накануне гибели. И Столыпин сумел вытянуть Россию из этой бездны, и поставить ее на прочный путь развития. Если бы Столыпин не был убит, еще несколько лет этого развития, решительно менявшего всю структуру, социальную структуру государства, не только ее экономику, — и Россию нельзя было бы свалить так легко. Я глубоко убежден, что убийство Столыпина, выстрел этот, решил судьбу развития России, потому что сразу руководство попало в слабые и неумелые руки, которые не могли Россию вести правильно.

О двух выстрелах, убивших Столыпина, Вы сказали, что для русской истории они несколько не были новы, но так много обещали для всего XX века. Можно ли считать, что это были первые пули в саму царскую династию?

Да, я недаром назвал их первыми из екатеринбургских. Это был выстрел — в Россию. Во всю нашу судьбу.

Но Вы сурово относитесь к обиду Николая Второго. Вы его изо-

бражаете слабым, несмелым, неблагодарным к Столыпину.

Одно могу уверенно сказать, что я не сочиняю его портрет, а очищаю от всевозможных искажений то, что было. Бывший император — довольно необычный был для меня персонаж. Я людей такого психологического склада еще не изображал. Я был вынужден проследить почти всю его жизнь, я сделал это исключительно бережно, ни одного резкого штриха, ни одного от меня резкого упрека, нельзя сравнить этот портрет с тем, как его изображала вся радикальная общественность России, которая поносила его последними словами. Я от этого всего его очистил, дал таким, каким он был, дал течение его жизни. Он был человек высоких духовных качеств, исключительно чистый человек. И он был последовательный христианин. Но — да, он не мог держать штурвал России в такие бурные времена, когда швыряет корабль.

Но, все же, Александр Исаевич, царь даже не спускается к Столыпину, когда тот ранен. Не идет к его изголовью, когда он умирает. Значит, все-таки, — не человек с великим сердцем.

Нет, не так. Он не потому не идет, что у него не доброе сердце. У него нет силы сломать огромное народное торжество, в котором участвуют сотни тысяч людей. Существует распорядок — и он как-то считает невозможным — поехать в Чернигов, не поехать в Овруч, — а как же те сотни тысяч людей, они останутся без посещения царя? Он приходит к умирающему один раз, но как раз Столыпин без сознания. А в другой раз он не приходит, потому что по распорядку не получается. Нет, не так дело просто, что царь бессердечен. Но, конечно, он не понимает всего значения совершающегося, он не понимает, что мы теряем в этот момент в Столыпине.

Ваше описание терроризма делает "Август Четырнадцатого" очень актуальным для современного читателя. Вы посвящаете много страниц убийце Столыпина Богрову. Мне Богров кажется очень похожим на сегодняшних террористов, в частности тем, что он подвержен экзальтации и что им манипулируют.

Да, одна из причин актуальности "Августа", 2-го тома, — в том, что это история русского революционного террора. Не только Богров... я, если помните, там даю сперва целую вереницу террористов, и так как невозможно охватить всех террористов России, то я беру только террористок-женщин. И то уже получается страшная картина.

Да, у Вас целая глава о женщи-

нах. Но я хочу выделить одну, она потрясающая. Это Евлалия Рогозинникова. Она запрятала 13 фунтов динамита себе в лифчик, чтобы броситься и взорвать собой крупных персон. Это мне напоминает не только японских камикадзе во время войны, но и нынешних террористов на Ближнем Востоке, которые за рулем грузовика с динамитом жертвуют при взрыве и своей собственной жизнью.

Вот мы здесь и видим, насколько революционный террор в России имел все характерные черты сегодняшнего террора. В некотором отношении Россия прошла современный путь мира раньше на несколько десятилетий, даже на полвека. Да, дело не в одном Богрове, я хотел этой галереей террористок показать всю силу террора, его движущие идеи, его приемы, методы... И я думаю, что на этих женщинах показал. Они все были частью своей организации, их всех направляла подпольная организация и посылала на эту смерть, но сначала на убийство. А Богров — совсем особенное явление. Всех остальных террористов направляла организованная сила: иди и убей! и неважно, что будет с тобой. А Богров — его никто не направляет. Его направляет, страшное дело, общественное мнение. Вокруг него существует как бы поле, идеологическое поле. И в этом идеологическом поле — государственный строй России считается достойным уничтожения. Столыпин считается ненавистной фигурой — за то, что он Россию оздоравливает и тем спасает. Никто не говорит Богрову: походи убей! Он не связан практически ни с каким подпольем. Ему 24 года, и он в 24 года решает, что он, пожалуй, убьет Столыпина и повернет направление России. Это более сложный, структурно более тонкий способ манипуляции — не простого подполья, а идеологического поля, общего направления. Но это еще страшнее, потому что, как видите, само идеологическое настроение общества может создать террор.

Я поражен, Александр Исаевич, необычайным богатством художественной техники, которую Вы применяете в "Августе Четырнадцатого". Конечно, присутствуют классический толстовский рассказ и диалог, но также — внутренний монолог, переход от третьего к первому лицу и обратно к третьему, иногда в том же абзаце, затем коллаж, газетный монтаж, мгновенные фотоснимки и проплывающая лента прошлого. Вы придаете особое значение разнообразию жанров?

Нет, я ничего специально не придумывал, никаких новых форм, я соразмерялся только с тем, как

наиболее плотно и эффективно передать материал, лежащий передо мною. Ну и, конечно, зная, что размеры повествования будут велики, я думал о читателе, читатель не должен соскучиться. У меня много повествовательных глав. Но сплошным повествованием можно утомить читателя, а кроме того — не все можно плотно передать. Поэтому кроме повествовательных глав есть у меня целый ряд других. Есть главы обзорные, где дается только сгусток события, в чистом виде, и только там я иногда разрешаю себе дать свое прямое отношение, а в повествовательных этого нет, там все занято персонажами. Затем есть киноэкранные главы, экран иногда необыкновенно нужен. Если нужно сфокусироваться, показать какую-то маленькую сценку в подробностях — то киноэкран незаменим. Но если им пользоваться много, он будет неэффективен, слишком рыхл. Газетные обзоры. Они совсем особенную роль играют. С одной стороны они, иногда очень сжато, описывают многие мелкие события. А с другой стороны — очень важно, каким языком, в каких фразах и понятиях современники понимали события. Так можно передать концентрированно отношения общества к тому, что происходит.

В "Августе" главы сравнительно длинные, а вот в "Марте", когда начинается революция и события идут по часам, по минутам, — там у меня главы коротенькие, маленькие, и вся работа в стыке глав. Глава — следующая ее сбивает — следующая эту сбивает, вот так, моментально. И стык глав сам по себе работает, это как бы четвертое измерение, это еще новое восприятие. Позже еще будет встречаться Календарь революции. Это очень короткое резюме событий между узлами. Но сам выбор этих событий и как они сформулированы — могут помочь услышать, как бьют большие часы истории. Маятник революции.

Меня не удивляет, что Вы произнесли слово "кино" и "экран". Нельзя не поразиться кинематографической технике, которую Вы используете в ткани Вашей прозы. Я думаю прежде всего об убийстве Столыпина в Киевском театре. Вы описываете это убийство так, точно 5-6 кинокамер стоят в разных местах театра — и мы каждый раз получаем картину, несколько отличную от предыдущей.

У меня, действительно, к кинематографу, к киноискусству есть пристрастие. Я написал два сценария для кино, "Знают истину танки" и "Туняеда". В узлах я применяю экран, но мне этого мало. Действительно, сцену каждую я стараюсь видеть в движении, в расположении, в подробностях предметов и одежды, и что-то из этого видения сказывается в повествовательной главе, само попадает.

Вы хотели бы сами быть кинорежиссером, постановщиком Ваших работ?

Теперь об этом поздно говорить, у меня жизненных задач до смерти и больше... мне уже не оторваться от этого повествования. Но мои произведения в самом деле подходят для того, чтобы перерабатывать их в фильмы, показывать на экране. Вы часто ездите в кино?

С тех пор как переехал в Вермонт, очень редко. В Советском Союзе видел больше, но даже и в Швейцарии видел мало, некогда ходить, а тут далеко очень ездить. Нет, сейчас я почти ничего не вижу. Просто кинематограф живет во мне.

(продолжение в следующем номере)

СПАСТИ БОРОДИНА!

Писателям, славистам, литературным критикам.

Дорогие друзья! В последнее время нет известий о Леониде Бородине, осужденном на 15 лет, повторно... Жив ли он? За что его убивают?

Анализируя его произведения, я пришел к выводу ("Воля", "1988"), что все творчество Бородина — проникнуто духом христианского милосердия, сострадания. За христианскую веру — убивают сегодня одного из талантливейших писателей России, последователя Достоевского.

Прошло более 30 лет после сталинского террора, но вот "Бесы" опять убивают в СССР лучших писателей, пэтов, ученых (Сахарова, Ирину Ратушинскую, Мейлаха, тысячи узников ГУЛага!). Если мы их не спасем — сегодня, то завтра будет поздно, в "Скотском хуторе" окажется вся мировая культура...

Д. А. Антонов (д-р Бройде)

ПЕЧАТЬ

ДВА МНЕНИЯ О РОССИИ

В "Континенте" № 41, Нина Муравина отлично разбирает статью А. Синявского о русских песнях, напечатанную в "Синтаксисе" № 12. Вот что она думает о пресловутом Абраме Терце: "Зудящее, непреодолимое желание осквернить и опохабить все, к чему он прикасается, заменяет ему вдохновение". Сравнивая его затем со Степаном Верховенским из "Бесов", она констатирует: "Теперь содержание и дух его статьи полностью совпадают с речью маньяка на празднике, где под восторженный рев публики "Всенародно, публично... бесчестилась Россия"... Статья "Река и песня" — продолжает она, — "не только демонстрирует очередные достижения автора в области языка непристойностей, но и подводит итог его 10-летнему публицистическому творчеству. Собственным своим примером, автор ее подтверждает, что вне связи с действительностью процесс писания теряет смысл... Синявский написал статью о песне, — заключает Муравина, — "чтобы продемонстрировать свое

отвращение к русскому народу, русскому человеку, русской песне". Иначе, чем Синявский, — по грехам нашим, наш компатриот! — отзываясь о России в том же номере журнала польская эмигрантская писательница Барбара Топорская, в статье о "Докторе Живаго" Пастернака: "Американцы упираются на слове "Russia" по невежеству и в силу отечественных традиций, согласно которым нет хуже тирании, чем монархия, ибо независимость Штатов родилась из борьбы с английской монархией (кстати, во времена Георга Третьего весьма приличной и либеральной). Поэтому, когда американский политик хочет выстрелить из тяжелой пропагандной пушки, он сравнивает Советы с "царской Россией", и русские передачи "Глоса Америки" следом за ним палят в советский свет как в копеечку. Напрасно пыталась я объяснить моей американской приятельнице разницу между либерализмом и демократией. Когда, наконец, я сказала, что предпочла бы жить в царской России, а не в демократической Америке, она расплакалась со злости".

В. Р.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ "НАШЕЙ СТРАНЫ"

КАНАДА	Mr. B. S. DIMITROV 461 Querbes Ave. OUTREMONT, Que. H2V 3W4 Canada
США (западное побережье)	Mr. A. DENISOFF 11 Wolfe Ave. SAN RAFAEL, CA 94901 U. S. A.
США (восточное побережье)	Mr. I. MYASKOVSKY 150-15 Sanford Av.— 1-J FLUSHING, N. Y. 11355 USA
ФРАНЦИЯ	A. KHASOFF Ing. CPC 8, Av. des Chardonnerets 95120 ERMONT France

Розыски

Семью Лысогоровых, Якова, Ольгу и Ирину из Киева.

Выехали приблизительно в 1943 году, разыскивает Евгения Ергардт Голенко. Лиц, что-либо знающих о них прошу сообщить по адресу: Mrs. E. BUTENKO, 209 Madison Ave., IRVINGTON, N. J. 07111 USA.

ПРИНИМАЮ ЗАКАЗЫ
по покраске квартир и по мелкой починке, а также по содержанию сада.
Обращаться по телефону: 298-0445

Языковые Уродства

ЭВОЛЮЦИЯ И РЕЛИКТЫ

Прежде я уже разбирал постепенную перемену в Советской России у ряда существительных женского рода на мужской, приводя в пример слова *фильма* и *санатория*; к ним можно бы еще прибавить слово *рельса*. Первое превратилось в странно звучащее *фильм*; тогда как его первоначальное окончание имеет порусски известное число соответствий, как, скажем, *пальма*, *нельма*, *шельма*. Второе перешло из класса форм типа *лаборатория*, *консерватория* в гораздо менее распространенную группу таких как *лепрозорий* или *мораторий*. Третье, при переработке, стало звучать если и хуже, то ближе к исходному произношению: оно у нас заимствовано из английского множественного числа *rails*; единственно — то было *rail* (а в английском взято из французского *gaille* "брусоч", произошедшему от латинского *regula*).

Переход осуществился сравнительно недавно, на памяти живущего поколения. Но любопытно, что о нем сохранились данные не только в книгах и журналах, изданных до завершения этого процесса, но и в живой речи некоторых племен России, куда разбираемые слова успели раньше проникнуть, и там избежать официальных предписаний или стихийных колебаний, имевших место у русских в позднейшее время.

Свидетелем может служить "Эрзянско-русский словарь" (Москва, 1949), составленный М. Коляденковым и Н. Цыгановым под редакцией видного финнолога Д. Бубриха (эрзянский язык, как и мокшанский, составляет один из двух основных диалектов, на которых говорит мордовский народ). В нем мы находим следующие объяснения: *фильма* "фильм"; *рельса* "рельс"; *санатория* "санаторий". Что до родовой принадлежности, мордовские наречия нам помочь не

могут: в них, как и вообще в угрофинских языках, категория грамматического рода отсутствует (и уж тем более для неодушевленных предметов и абстрактных понятий, как в настоящем случае!).

Аркадий Рахманов

Некролог

С глубоким прискорбием сообщаем, что известная русскому Буэнос Айресу иконописица Ангонины Павловны Ренисон, удочеренная княжна Кугушева тихо скончалась 16-го сентября 1984 года в возрасте 47 лет от неизлечимой болезни в одном из пригородов Кордобы. Умерла она с глубокой верой в Бога и Его святой Промысел. И Господь призвал ее в Свои райские обители. Ее супруг сказал о ней: "Улетел наш Ангел".

Вследствие дряхлости и болезни, я не мог побывать на панихидах по умершей, но молюсь за нее и призываю всех, знавших усопшую, молитвенно помнить ее, помолиться о ее светлой душе.

Друг и почитатель таланта и духовности покойной

Я. А. Тельнов

НОВАЯ ЦЕНА НА "НАШУ СТРАНУ" В АРГЕНТИНЕ

С декабря месяца с. г. цена за один номер "Нашей Страны" в Аргентине будет равняться 30-ти аргентинским песо.

Таким образом все расчеты, начиная с декабря с. г., как за предыдущие, так и за последующие номера "Нашей Страны" в Аргентине, будут производиться по новой цене в 30 аргентинских песо.

Цены на газету в других валютах не меняются.

П. НЕСТОРОВ

Политические перспективы

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ПОСЛЕ ВЫБОРОВ В США

Несомненно, что экономические причины тоже оказали решающее влияние на исход выборов в США.

Рейган и его правительство в экономической области ведут консервативную политику, которую в Западной Европе и в Латинской Америке принято называть либеральной. Эта политика характеризуется, главным образом, отдачей предпочтения рынку, как регулируемому началу для образования цен и для асигнации капиталовложений. Причем, эта политика отдает предпочтение частным над государственными капиталовложениями, для чего снижаются максимальные налоги, чтобы усилить капиталоемкость частного, а не государственного сектора. Эта политика также имеет своей целью борьбу с инфляцией, путем строгой денежной дисциплины, удерживающей рост количества денег и денежного агрегатов в заранее установленных границах, которые твердо соблюдаются. Для этого иногда допускаются довольно высокие проценты на кредиты.

В результате такой политики,

правительство Рейгана смогло представить перед своими избирателями некоторые значительные успехи. Так, за четыре года инфляция в США была снижена с 14% до 4% в год. В это же время, число безработных снизилось с 10% до 7,5% активного населения, причем было создано около 8 миллионов новых рабочих мест. Одновременно, удалось преодолеть застой экономического роста, причем увеличение валового национального продукта в некоторых кварталах приняло значительные размеры, достигая чуть ли не до 9% по сравнению с предыдущим годом.

Однако, на этом оптимистическом горизонте имеются неприятные облака, могущие сгуститься в опасные тучи.

В "Политических перспективах" в "Н. С." от 7-го апреля с. г. в № 1758, было отмечено, что "экономические перспективы в США обусловлены... следующими факторами...: 1. Снижение инфляции... 2. Ускорение экономического роста, с вытекающим из этого снижением безработицы..." Но затем сразу же перечислялись еще три фактора, на этот раз отрицательного значения: "непомерный дефицит государственного бюджета",

"дефицит внешней торговли" и "финансирование обоих дефицитов привлечением иностранных капиталов, путем предложения высоких процентов".

Годовой бюджет государственной казны США, закрытый в конце прошлого октября, достиг дефицита в приблизительно 175 миллиардов (тысяч миллионов) долларов. Если из этого дефицита федеральной казны вычесть возможные положительные сальдо штатных и городских бюджетов (и иных государственных вне-бюджетных учреждений), то и тогда, в лучшем случае, такой консолидированный дефицит будет превышать 150 миллиардов долларов, что является 5% всего национального дохода США. Эта квота должна быть обязательно снижена, для того, чтобы избежать новой вспышки инфляции.

Однако, эта опасность теперь уже всеми ясно осознана, ибо на эту тему говорят не только специалисты, но и более широкие круги общественного мнения. Даже иногда немного сгущаются краски. Так, например, совсем недавно один представитель Белого Дома вынужден был опровергать неофициальные информации о размерах дефицитов государственного бюджета на 1985 и 1986 годы, которые их измеряли в 190 и 200 миллиардов долларов. Он заявил, что такие прогнозы немного опасны, так как президент Рейган еще не вынес окончательного решения о намечающихся

размерах будущих дефицитов. Во всяком случае, правительственный кабинет вынес решение о необходимости сокращений в бюджете, без указания точных цифр.

Основная опасность продолжающихся дефицитов государственного бюджета США заключается в последствиях их аккумуляции. Год за годом аккумулирующиеся дефициты бюджета могут привести, по некоторым подсчетам, к увеличению национального долга США через пять лет до 2,3 триллионов (2.300 миллиардов) долларов. В таком случае, если исходить из предположения, что проценты упадут даже до 5% в год, то только за уплату процентов придется предвидеть в бюджете сумму в 115 миллиардов. Если же проценты не упадут ниже чем на 10% в год, то тогда эту сумму нужно удвоить, вследствие чего через пять лет придется только за проценты национального долга тратить 230 миллиардов в год, то есть больше чем весь сегодняшний дефицит. Как видно, эти тенденции, если они не будут заблаговременно пресечены, в перспективе могут оказаться весьма опасными.

Что касается перспектив, связанных с дефицитом во внешнем торговом балансе США, то отсылаем наших читателей, заинтересованных в данной теме, к анализу в указанном номере "Нашей Страны" (1758), который и поселе остается в силе.

П. НЕСТОРОВ

Трибуна Читателя

История НТС

Не касаясь вопроса о принципиальном отношении "Нашей Страны" к организации НТС и солидаристам, и заботясь лишь о соблюдении исторической точности и объективности информации, считаю необходимым ответить прежде всего г-ну Кньюферу на его "Письмо в редакцию" (на счет НТС), в 1771 номере "Нашей Страны" и, во вторую очередь г-ну Замысловскому из Мексики, затронувшему тему об НТС в Трибуне читателя под заглавием "Тех же щей..." в 1783 номере вашей газеты.

Г-н Кньюфер ошибочно относит создание "Национального Союза Нового Поколения" к 1928-му году и называет председателем Союза проф. Федорова.

В действительности история возникновения НТС такова:

В Югославии, в середине двадцатых годов, возник "Союз Русской Национальной Молодежи", председателем которого осенью 1928 года стал Виктор Михайлович Байдалаков.

Одновременно, в других странах русского рассеяния, главным образом в Болгарии, Франции, Чехословакии и Польше, возникли самопроизвольно, однородные по своим настрояниям и исканиям новых путей и способов борьбы против красных поработителей Родины, молодежные группы.

В июле 1930-го года представители этих групп съехались на первый учредительный съезд в Белграде, на котором было постановлено объединить все молодежные образования в единую организацию под названием "Национальный Союз Русской Молодежи", под председательством возглавлятеля французской группы, герцога С. Н. Лихтенбергского, который остался на этом посту до декабря 1933 года. Его сменил В. М. Байдалаков.

На втором съезде делегатов отделов НСРМ в Белграде, в декабре 1931-го года было решено переименовать организацию в Национальный Союз Нового Поколения (НСНП).

Оформление идеологических поисков выразилось в 1936 году в подзаголовке — Национально Трудовой Союз.

В ноябре 1942 года подзаголовок перешел в название: "Национально Трудовой Союз Нового Поколения" (НТСНП). Позже произошло сокращение названия: "Национально Трудовой Союз" с подзаголовком — (русских солидаристов), и в 1955 году организация стала называться: "Народно Трудовым Союзом" (НТС) и была возглавлена В. Д. Поремским. (В 1955 г. произошел раскол в НТС, и В. М. Байдалаков, с группой старых членов НТС, организовал "Российский Национальный Трудовой Союз". Эта отдельная организация перестала существовать после смерти В. М. Байдалакова). С 1972-го года и до настоящего времени председателем НТС является А. Н. Артемов.

Далее г-н Кньюфер говорит, что "...организация (НСНП) засылала для саботажа молодых людей в СССР... и все пропадали. Это дела-

лось в сотрудничестве со вторым Отделом (сыск) польского генштаба".

Дело обстоит следующим образом:

На первых порах молодая организация стала строить свою оперативную работу на основе связей с уже ранее существовавшими тогда активными военными и политическими образованиями русской эмиграции как "Российский Обще-воинский Союз" (РОВС), "Братство Русской Правды" (БРП), Крестьянская Россия (Крестрос). Именно по каналам этих организаций, главным образом РОВС-а и БРП началась переброска членов НТС в Россию. Это сотрудничество оказалось трагическим. Нескольким членам, посланным по линии БРП были выданы советским агентом Кольбергом. Другие члены НТС, используя пути РОВС-а, тоже были схвачены и погибли. Это объяснялось неблагоприятным в недрах РОВС-а, из-за подозрительной работы так называемой "Внутренней Линии", т. е. секции закрытой работы, ответственным руководителем которой был ген. Скоблин, оказавшийся впоследствии советским агентом (похищение ген. Миллера).

Пришлось искать собственных путей борьбы и дорог на "ту сторону". Только в 1938 году началась самостоятельная переброска. Были жертвы, но были и успехи. Уцелевшие или возвращались благополучно обратно, или оставались незамеченными там. При осуществлении таких переходов, я думаю, не исключена была возможность контактов с польской разведкой из соображений технической необходимости.

Во время германо-советской войны были брошены разными способами на оккупированную немцами территорию России уже десятки чле-

нов НТС, часть из которых погибла, часть застряла при наступлении советских войск и попала в сталинские концлагеря и часть — счастливицы — вернулась на Запад.

Заявление г-на Кньюфера о том, что "... организация, ставшая Народно Трудовым Союзом солидаристов, с тех пор и до сего дня работала с сысками и получала немалые субсидии", остается на его совести и нуждается в конкретных доказательствах, а утверждение, что "НТС никак не пострадал от нацистов" оскорбляет память, погибших в немецких лагерях и отсидевших в тюрьмах Гестапо, русских патриотов — членов НТС. В 1944 году немцами было арестовано все руководство НТС и десятки рядовых работников на местах, включая и оккупированную зону России. НТС "запрещенная организация, занимающаяся антинемецкой деятельностью" (так гласят обвинительные акты Гестапо). Политическая позиция НТС как "третьей силы" — ни Гитлер, ни Сталин — оказалась для немцев неприемлемой. (Смотри книгу Александра Казанцева "Третья сила"). Но именно эта позиция нашла отклик в России и привлекла новых членов организации. Всего в немецких концлагерях и тюрьмах к концу войны находилось более 200 членов НТС.

Не берусь критически судить о деятельности франкфуртского НТС в послевоенный период, т. к. не располагаю для этого достаточными данными. Могу лишь констатировать, что там производится активная антикоммунистическая политическая работа, судя по многочисленным печатным изданиям, как "Посев", "Грани" и большому количеству другой литературы, предназначенной главным образом для читателя в России, куда она успешно переправляется разными путями. Последнее имеет много подтверждений в злопыхательных высказываниях советской прессы, как, например, в статье "Шантаж", в отделе "Разоблачения", в газете "Комсомолец Кубани" от 17 апреля

1984 г., где говорится о засылке в СССР энтээсовской литературы, с целью "идеологической диверсии". Далее следует, что в своих воззваниях энтээсовцы предлагают восстановить "историческую преемственность российской государственности".

Игорю Замысловскому хочу сказать, вовсе не защищая идеологию солидаризма, что, как мне кажется, его реакция на дискуссионные темы в № 4 "Посева" за 1982 год слишком остра и нелогична, так как вопрос идет не о программных установках НТС, а лишь, именно, о дискуссии по определенному вопросу, в данном случае, касающемуся обновления народного хозяйства в переходный период.

Что же касается оброненной И. Солоневичем фразы о "второй советской партии", то, к сведению г-на Замысловского, речь идет здесь не об НТС (это грубая, но, конечно, неумышленная ошибка), а о "младороссах" (Царь и Советы), проявлявших в начале 30-х годов большую активность, главным образом, во Франции, под руководством Казем-Бэка, уехавшего позже в СССР и там умершего. Как Солоневич, так и солидаристы, тогда еще прозываемые нац-мальчиками, решительно выступили против этой "второй советской партии". И не случайно, именно в издании НТС, впервые вышла книга И. Солоневича — "Россия в концлагере".

В заключение хочу напомнить, что НСНП объединил, в свое время, молодежные группы, состоявшие из бывших кадет и гимназистов в Югославии, из военной молодежи Белой Армии на рудниках в Пернике в Болгарии, из русской патриотической молодежи Парижа, из студентов Праги и многих других.

В центре НТС в Белграде преобладали монархические (я бы сказал, скорее, даже народно-монархические) настроения, но они не были обязательным условием для поступления в члены организации. В этом заключалась, может быть, одна из предпосылок непредвзятости в вопросе о форме правления будущей Национальной России. Принцип был не воссоздание — а создание хорошего нового, но самым важным и неотложным считалась активная борьба, общими усилиями, за освобождение Родины от безбожного марксизма и жестокой и антинародной системы советской власти.

Что же касается "Солидаризма", то этот не особенно удачный термин всегда понимался как соборность и сотрудничество различных социальных и профессиональных групп ради общественного блага в противовес марксистской борьбе классов.

Надеюсь, что эти мои высказывания не будут приняты, как желание вызвать полемику по затронутому здесь вопросу. Повторяю то, что уже было сказано раньше: мною руководит лишь желание соборности историческую объективность и верность в освещении на страницах современной, русской, заграничной прессы, политической деятельности различных группировок российской белой эмиграции. Я уверен, что таким же желанием руководствуется и редакция "Нашей Страны", и по-сему не откажется от публикации этого письма.

Н. Волков (Германия)

В Царской России

КАК НАЧАЛСЯ КИШИНЕВСКИЙ ПОГРОМ

О кишиневском погроме слышали все, но мало кто знает, как и почему он начался.

Русский офицер полюбил девушку-еврейку и она решила креститься, для чего офицер, договорившись с игуменьей, поместил ее в православный женский монастырь для подготовки к таинству крещения.

В базарный день, когда было много крестьян съехавшихся на рынок, к монастырю, где помещалась девушка, подошла группа молодых людей, членов партии Бунд. Они, стуча в ворота монастыря стали требовать, чтобы к ним для переговоров вышла игуменья. Сначала им было отказано, но после их настоятельных требований, игуменья к ним вышла и стала разговаривать через оконце в калитке. Молодые же люди стали требовать, чтобы им была выдана еврейка, которая находится в монастыре. Игуменья им сказала, что молодая девушка пришла в монастырь по своей воле, по собственному желанию. Евреи стали шуметь и игуменья прекратила разговоры и закрыла форточку. Тогда молодежь, среди которой были члены боевой организации Бунда, стали стучать в ворота и стрелять в воздух. (Какие могли быть у них револьверы? Бульдоги, Лефеше...) При этом один из них попал в стекло иконы Божьей Матери, висевшей над воротами монастыря и разбил его.

На шум давно собралась, привлеченная с базара толпа, а когда на иконе Божьей Матери было разбито стекло, раздались крики: "жиды стреляют в икону!" Приехавшие на подводах повынимали из телег оглобли и пошли на евреев. Те стали отстреливаться. Появились раненные и убитые. К крестьянам присоединились разные городские парни и началась свалка, превратившаяся в еврейский погром.

Лев Рубанов

"НАША СТРАНА": Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует: Ред. Коллегия. Адрес: М. Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires. Номер тел. М. Киреева: 89-0862. Статьи подписанные инициалами или инициалами не обязательно всегда выдают свое мнение редакции. Рукописи не возвращаются.

Цены за экземпляр газеты: Австралия - 0,80 ав. дол.; Германия - 1,80 н. м.; Франция - 5 фр.; Италия - 1100 лир; США - 0,80 ам. дол.; Аргентина - 30 песо. В остальных странах - 0,80 ам. дол. Цена объявлений: за 1 см. в 1 колонку - стоимость 3 экземпляров газеты в соответствующей валюте. Чеки и "моней ордер" выписывать на имя Miguel Kireeff с местом уплаты в США или Европе.

"NASHA STRANA" — "NUESTRO PAIS". Semanario monarquico ruso. Fundado el 18 de septiembre de 1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No.: 949.917 Editor: M. Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires

Correo ARGENTINO Franqueo pagado. Conces.No. 4233
Sucursal 30 (B) Interes general. Conces.No. 3980